

Сергей Черепанов

рыба моей мечты

Сергей Черепанов
Рыба моей мечты

«Издательские решения»

Черепанов С.

Рыба моей мечты / С. Черепанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932202-9

Это удивительная, доброжелательная и увлекательная повесть, в которой больше мудрости и знания народа, чем во многих государственных деятелях. Она написана сразу на двух языках — русском и украинском, причём ни один из них — не канонический, но оба вместе понятны даже малограмотным. Душа человека не может быть скована местом его жительства, но незримые нити прочно привязывают её к родным берегам, кто бы в стране ни властвовал. Особый интерес эта книга представляет для любителей рыбалки.

ISBN 978-5-44-932202-9

© Черепанов С.
© Издательские решения

Рыба моей мечты

Сергей Черепанов

Иллюстратор Оксана Здор

© Сергей Черепанов, 2018

© Оксана Здор, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-2202-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Українська мова дана курсивом, русский язык – обычным шрифтом.

– *Хилька не бачив?* – спрашивали.

– *Вже побіг.* – отвечали.

– *Давно пішов?* – спрашивали.

– *З рання.* – отвечали.

– *Під моста?* – спрашивали.

– *На широку.* — отвечали.

И было той информации довольно, чтобы задуматься: – *А-га! І швиденько зібратись і побігти до човна, тому що «Хилько даром не піде, мабуть карась пішов», або ж «окуньчики беруть... на черв'яка? чи, може, плітка на мастирку?» Або ж на «картопельку короп узяв», – на такой полусырой обязательно недоваренный картофельный шарик – Данилыч вырезает ножичком, – и насаживает на самый кончик крючка, – ну, в точности примерно как *начебто* лунный глобус.*

А Наричка вьется, прячется за каждым поворотом, и в очерете, и в плавнях, то разделяясь на протоки, а то разливаясь широко, где подмывая кручи, а за Лохвином блестя на перекатах, и снова – в тень, в тихие заводи, где вода почти замирает и стоит над омутами и ямами, а на вырве, что под островом *Кохання*, заворачивает против себя, навстречу, и вдруг распадается на ставки и ставочки, и бьет ключами в оврагах, и заполняет карьеры —сочится земля соками и питает ими Рыбу – внутреннюю нашу вселенную, полузакрытый мир, блаженный эон, ежедневную мечту.

А Нарічка в'ється... наче хтось написав, або пише листа, пише, а не друкує, і літери тримаються одне одного, і переливаються одна в другу, наче курсивом... «Риба. По рибу. На рибі.»

Ні, то не я, то не «аз буки веду» – але ж не сама і вона, хтось, мабуть, зверху, згори, але ж і не занадто далеко – з Києва, чи то з космосу її не побачиш, ані з Великих Цебекабо лайнера – ні, це зависоко, хіба що з кукурудзяного літака чи повітряної кулі, гвинтокрила чи дрона...

Хто, скажіть, хто про неї, маленької, і чув би, якби не Риба?

Риба. По Рибу. На Рибі...

Земля. Хата. Корова. Риба.

Хата та Корова – то жіноче, більш жіноче, ніж чоловіче.

А Землі – нема. Є город та колгосп. З городу – живуть, а в колгоспі беруть. Взяв сіна, взяв добрива. Тобто вкрав, ні не вкрав, а взяв, але щоб ніхто не бачив, бо скажуть – вкрав. Колгосп – це не земля, це – каєспе – щось гідке, не моє, чуже, чужинське.

А город – як картопля: проорати – посадити – підгорнути – потравити – зібрати, і знов – проорати – посадити – підгорнути – потравити – зібрати, і наступного року – проорати – посадити – підгорнути – потравити – зібрати – і так все життя.

Город – це повсякденне, як хліб, як родина. Город – біля хати. Більш жіноче, ніж чоловіче. Город —для грекосоєа: нудне, тяжке, огидне, кріпацьке.

Город – не для козака. І козак – не для городу!

Риба! О! О-о! Ото козацьке! Вона йїжа. І спорт. І хвантазія.

Риба – на волі, за межами – і хати, і городу, і колгоспу.

Тому і бігуть на рибу зрання – подаль від жінки, від роботи, від усього... Зрання, коли ще сонце не зійшло, і туман як тайна, і тайна як бог.

Как до нас добратсья? А дуже просто.

– Сначала 80 километров автобусом от Киева до Великих Цебек, потом еще 40 км автобусом до Шануйлівки, а з Шануйлівки – ще шість кілометрів – Рачки... – говорю я и уже улыбаюсь, и вы, если хотя бы немного знаете мову – тоже улыбнетесь, а то и хмыкните – мол, не простой анекдот, с подтекстом, потому как Рачки – с ударением на первый слог – означают способ передвижения «раком», именно так, как стояли и стоят на огородах селяне, стояли и стоят уже сотни и тысячи лет, то есть, если вы и вправду желаете «добратсья» – ставайте поруч, то есть рядом, и – вперед. А иначе, о-о-о! Наверядли у вас это выйдет. Без выучки, без опыта земледелия человека на земле вам не понять, как не понял его я, и потому готов был уже смотать удочки, и вернуться от этой темы в город, с ударением на первый слог, в отличие от города – огорода то есть, так у нас говорят. Вроде всего-то одно ударение – а дистанция, как недавно услышал, «цивилизационного масштаба»...

Однако же, удочки не смотал, а наладил.

Тридцать лет мы уже тут, за 126 км от Киева и 216 км – от Чернобыля. Тогда, в 1986, тестю того показалось достаточно, чтобы хоть как-то обезопасить внука. Так появилась наша хата, кирпичный недостроенный дом, поначалу без перегородок, полов, веранды, зато с 20 сотками сада и огорода, появились новые заботы, новые соседи, новая река – Нарічка, а не Днепр, и нова земля навкруги – наче ініша планета, яку ані Батьківщиною, ані Вітчизною я назвати не можу – все мои родители – в Киеве – якби було таке слово «Сусідчина» – а так лучче сказати по-руськи – Дача, або якщо бажаете – Хата на селі...

Нет, честное слово, я бы не решился, и срок тут ни причем, что это за срок?! Пишу, потому что люди уходят. Уходят вслед за рыбой...

Идет дождь селом... Не, не так. Это в городе – дождь: деревьев мало – не шумит, а стучит – по стеклу, по карнизу... Там – доЖДь...

А на селі – «дош-щ-щ-щ»... іде, іде дош, шумить на дворі, тече по вулиці, ляпа по підвіконню, поринає в кущі, рахує листя...

Одно дело – асфальт, а зовсім ініше – поле чи шлях, де крапля, розрізана травичкою, до землі так і не доліта – перетворюється на шепіт, або ж – якщо дорога стара, накатана – пада вона на пил, без звуку, і там зникає...

– Я тоді ще пив, – каже Валера, – лежу на дорозі, а тут гроза – краплі великі-величезні – баххх! Бахх! – лежачи добре розгледіти мона – крапля – бах! – біля глазу – наче в сіре іржане борошно – бах! – і над кожною пилова хмарка підіймається, я аж задивись-замріявсь, а тут як загрими-и-ить! Як вдарить! – ні, нема чого лежати, треба до хати...

Іде дощ... Селом и на речке, до которой еще надо дойти, не промокнув, и потому там, где можно, идем дорогой, а ноги сами ускоряют ход, сами, кто их подгоняет? *Може дощ?*

– А Хилько вже побіг... Куди? —

Нет, дощ не подгоняет, шелестит, накрапывает, успокаивает. И остается нырнуть с дороги в кусты, то есть *в куці*, с дороги направо, и пойти тропкою под зеленою крышей, густыми прибрежными зарослями, пойти, пригибаясь и оберегая удочки, под акациями и ольхами, и выйти – но не сразу к реке – а в узкий, глухой, как восточная улочка, коридор в очерете – а тут уже и лодки, цепи, замки и ключи на веревках и тряпках, весло, припрятанное в *куцах*, все как надо...

Говорят, в дождь хорошо клюет.

– А не слухайте нікого. В дощ добре спати, просинаючи життя, але, звичайно, якщо ви вже там – на рибі, – вертатися нема чого – сидіть, пильнуйте, все може бути.

И я тяну с собой батину плащ-накидку, офицерскую, с капюшоном, а при наличии «резиняк» – так Василь називає гумові чоботи – і стільця: – Сиди, пильнуй, риба заснути не дасть...

– Ну, як? – слышится из тумана... А кто ж то может быть?..

– Та-а...

– А я взяв щучку і судачка.

– З моста?..

Из тумана появляется знакомый *силует* – Валера? Он! – и походочка характерная, мягкая такая, индейская.

– А я чую голоси... Хто це?.. Ну, здоров будь... – он заглядывает в лодку, а там уже кое-что блестит. – О, відкупилася, – каже, маючи на увазі – кого? Річку? Чи може – долю...

Валеру не всегда и поймешь.

– Та-а, – отвечаю я, как Вася, с небрежной солидностью.

А Валера закуривает, забирается в соседнюю лодку, как раз между нами. У него тоже армейская накидка с капюшоном. Та еще, что с Карелии. Если кто с тропы посмотрит – три монаха на молитве, а приглядится – не, лучше – на рыбе...

Валера *вже відробив*, рыбу занес в хату, и я жду когда он спросит «Ну, як там?» – *маючи на увазі Київ, владу, олігархів...* – спросит и сам же разложит, *бо не тільки з газет, але ж має і інші джерела...* *І то вам не шануйлівські, чи то великоцебешині, – у Києві має не аби кого, депутатів чи козацького гетьмана, тьфу, хай їм грець.*

Про нього і кажуть – «не наш», кажуть і рачківські, і зухвалівські. А чому? Тому що перша його забганка – Калерія, дивна північна країна рибалок? Ні, не так – див-на! північ-на! фантастич-на! краї-на! рибалок і риби – риби, какой хочеш и не хочеш – царской, королевской, императорской: си-иг, нали-им, яа-азь – прижмуриваясь – а ку-умжа? – удивляется, сам как будто не веря в эту морскую форель, – а ха-арийиюююссс! – и всем ясно – такой не бывает, ни тут, ни в раю, – а шуки такие, что ежей целиком могут заглотить, – ляпает Валера – (зачем он это сказал?!)

И всем сразу ясно:

– *Бреше...* – *тому и кажуть про нього – «не наш», або «знов свою Валерію заводить...»*, то есть заливаает не в меру, какой бы рыбацкой *ота Калерія не була...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.